



ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18

EDN: ZMESPR

Научная статья / Research article

Национальные приоритеты России в меняющемся мире

К.В. Блохин 

Центр исследования проблем безопасности РАН,
117335, Российская Федерация, Москва, ул. Гарибальди, д. 21б

✉ constantinos1@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются ближайшие и долговременные последствия украинского кризиса и СВО для складывающейся архитектуры международных отношений. Автор подвел военно-политические итоги специальной военной операции, акцентировал внимание на перспективы урегулирования украинского кризиса. В фокусе долговременной стратегии России, по мнению автора, содержится формирование новых партнерств, уход от прагматичной парадигмы внешней политики, наполнение концепта «многополярности» не декларативным, а реальным содержанием.

Ключевые слова: специальная военная операция, национальные интересы, украинский конфликт, внешняя политика США, поворот на Восток, многополярный мир

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2023 год FFFZ-2021-0005.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 01.11.2023. Принята к публикации: 10.01.2024.

Для цитирования:

Блохин К.В. Национальные приоритеты России в меняющемся мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18>

© Блохин К.В., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

National Priorities of Russia in a Changing World

Konstantin V. Blokhin 

Center of Security Problems of Russian Academy of Science,
21B Garibaldi St, Moscow, 117335, Russian Federation

✉ constantinos1@rambler.ru

Abstract. The study examines the immediate and long-term consequences of the Ukrainian crisis and the Special Military Operation for the emerging architecture of international relations. The author summed up the military-political results of the Special Military Operation and focused on the prospects for resolving the Ukrainian crisis. The focus of Russia's long-term strategy, according to the author, is the formation of new partnerships, moving away from the pragmatic foreign policy paradigm, and filling the concept of "multipolarity" with real rather than declarative content.

Keywords: special military operation, national interests, Ukrainian conflict, US foreign policy, turn to the East, multipolar world

Acknowledgements: The research was supported by the state assignment of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science for 2023 (Research work FFFZ-2021-0005).

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 11.11.2023. The article was accepted on 10.01.2024.

For citation:

Blokhin K.V. National Priorities of Russia in a Changing World. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;11(1):7–18. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-7-18>

Принятие политического решения о начале специальной военной операции 24 февраля 2022 г. стало своеобразной вехой в мировой политике, началом своеобразной «геополитической революции», направленной на демонтаж мирового либерального порядка под предводительством Соединенных Штатов Америки. Нет сомнений и в том, что именно Россия сегодня объективно является «геополитическим локомотивом» этого процесса, вызывая крайне болезненную и очень агрессивную реакцию западного мира. В этих условиях естественно возникает вопрос о контурах желаемого мира, точнее — о будущей системе мировых отношений и о месте России в ней. В настоящей статье попытаемся проследить и проанализировать появившиеся акценты российской внешней политики.

Безусловно, прогнозирование направленности политических процессов и трансформаций в глобальном масштабе не только проблематично, но зачастую безнадежно: в многомерной геополитической реальности действует множество переменных факторов. Однако ясно одно — современная архитектура мировых отношений уже не является адекватной глобальным политическим изменениям, а деятельность международных институтов не отвечает интересам большинства акторов международных отношений. Очевидно, что краткосрочной перспективе мы будем свидетелями нарастающей хаотизации и дисбалансированности мировой системы, вызванными как реакцией

«слабеющего гегемона» США, так и существованием в зародышевом состоянии институционарированных альтернатив PAX AMERICANA. Ясно одно — прежний мир господства «мирового полицейского» перестал существовать, а контуры нового миропорядка только обозначаются. Скорость этой тенденции будет определять направленность мировой истории. В этих условиях турбулентности принципиально важное значение приобретает выстраивание Россией долговременной внешнеполитической стратегии, которая учитывает не только сложившиеся реальности в тех и ли иных регионах, но и отвечает требованиям геополитической нормативности — потребностям цивилизационного развития страны. С этой точки зрения принципиально важно ответить на вопрос, как ключевые геополитические проблемы, с которыми столкнулась Россия, могут оказать влияние на перспективы развития страны.

Первый узел проблем сложился вокруг «украинского кризиса». Украина в нынешнем виде, безусловно, стала геополитическим фронтиром Российской цивилизации и Запада. Очевидно и то, что длящиеся второй год военные действия дают возможность подвести некоторые предварительные итоги и промежуточные выводы как аналитического, так и прогностического характера. Нет никаких сомнений, что конфликт между РФ и странами Запада, США прежде всего, нарастал с начала 2000-х гг. Глубина кризиса была обозначена В.В. Путиным еще в Мюнхенской речи 2007 г., отвергавшей американское доминирование. «Вызревание конфликта» происходило в течение почти 15 лет, и проявлялось в постоянных военно-политических конфликтах и дипломатическом противоборстве. Однако начало конфликта со всей ясностью выявило ряд политических истин:

- неготовность Запада к военному и военно-техническому противостоянию с Россией;
- неспособность коллективного Запада подорвать экономические силы России. Примененные санкций нанесли большой ущерб экономикам Запада, замедлив динамику его развития, за исключением США.
- отсутствием на начальном этапе кризиса внятной военной стратегии России.

Анализируя уроки конфликта, можно с высокой степенью уверенности говорить о серьезных просчетах в российском аналитическом сообществе в вопросах планирования и подготовки военной операции.

Как всякое многомерное явление, украинский кризис имеет как ближайшие последствия и уроки, так и долговременные проявления, связанные с влиянием на мировую геополитику, ее направленность. Характеризуя ближайшие последствия, необходимо отметить, что украинский кризис и СВО выявили как военно-политические, так и военно-технические проблемы.

Ключевым вопросом подготовки любой масштабной операции является оценка не только военного потенциала противника, своевременное выявление его военно-стратегических замыслов, но и комплексный анализ состояния всего украинского общества на его способность участия в войне. К сожалению, следует признать полное отсутствие серьезной системной аналитической

работы в нашей стране по прогнозированию угроз как со стороны Украины, так и на всем постсоветском пространстве. Нельзя не согласиться с мнением В.Б. Кашина, что «это — самый дорогостоящий во всех смыслах провал российской научной политики за всю постсоветскую эпоху» [1].

Можно утверждать и другое, может быть более существенное, — в государственном планировании практически не был предсказан столь существенный поворот в международных отношениях в целом, а российская внешняя политика имела отчетливо оборонительный и реактивный характер с бесконечными предложениями о компромиссах. Ярче всего это проявилось в отношении Минских договоренностей, которые отечественная политическая элита интерпретировала как «циничный обман» со стороны Запада.

Подготовка к военной операции началась с существенным запозданием. «Украина начала готовиться к неизбежной полномасштабной войне после провала встречи в «нормандском формате» в Париже в декабре 2019 года. Россия, похоже, пришла к выводу о неотвратимости войны существенно позже, вероятно — весной 2021 г. Запоздалая реакция на действия другой стороны предопределила поспешную и неполную подготовку к СВО» [1].

Независимый и непредвзятый анализ военной угрозы свидетельствовал о «невозможности быстрого разгрома Украины» [2].

Недостаточная готовность к войне определила ее характер как «спецоперации». Попытка избежать затяжной войны в течении ее первой фазы оказалась, очевидно, неудачной [1]. Занятые на первом этапе территории российская армия вынуждена была оставить. Сил компактной армии, рассчитанных на региональные конфликты низкой интенсивности, созданной по западным лекалам, оказалось недостаточно для ведения глобального конфликта с противником, имевшим серьезные финансовые и материальные ресурсы.

Все военное строительство в России в последние годы до начала спецоперации имело существенные недостатки. «До последнего времени российское военно-политическое руководство гордилось относительно низким положением в рейтингах стран по расходам на оборону. Видимо, именно минимизация расходов была одним из «ключевых показателей эффективности» [3]. Необходимые для победы нашей армии удары по инфраструктуре Украины были начаты с запозданием на год.

Предпринятые в последнее время позитивные изменения в военном строительстве свидетельствуют о «выученных уроках». В разы увеличено производство востребованной военной техники, идет комплектование и развертывание новых армий, в боях испытываются новые образцы оружия. Очевидно, приходит время и теоретического осмысления применяемой военной стратегии на Украине, учитывающей использование современных военных технологий в области БПЛА, связи, космической разведки.

Конфликт по-новому ставит вопрос об идейно-психологической подготовке всего российского общества к военному противостоянию. В идеологической сфере не должно быть неясностей, различий в толковании природы СВО не только представителями гражданского общества, но и самой элиты.

Безусловным просчетом российской политической элиты стала недооценка степени консолидации стран Запада. Весьма показательным, что даже в период фашистской агрессии 1941–1945 гг. Запад не был единым; США и Великобритания были союзниками в антигитлеровской коалиции. Очевидно, что такого высокого уровня консолидации Запада не было даже в годы Холодной войны. В годы же разрядки СССР поддерживал диалог на высоком уровне с ФРГ, Францией, Италией. Надо было дождаться взрыва ниток Северного потока-2, чтобы убедиться, что ЕС — несамостоятельный субъект мировой политики, вассально зависящий от США. Традиционные иллюзии, сформировавшиеся еще в советские времена, о неконсолидированности коллективного Запада, о возможности использовать противоречия между США и ЕС не прошли проверки жизнью. Очевидно, что мнение экспертного сообщества и здесь не было востребовано в полной мере. Д. Тренин справедливо отмечает, что «враждебной коалиции таких масштабов не было еще никогда в русской истории» [4].

По скромным подсчетам МИД РФ Запад уже оказал военную и финансовую помощь Украине на сумму более 170 млрд долл., что равняется трем годовым военным бюджетам Российской Федерации [5].

Формой объединения консолидированных усилий коллективного Запада, в условиях неготовности к военному противоборству с Россией стала «санкционная война». Нет сомнений в том, что американские планировщики опирались на опыт КОКОМ (англ. Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom), учрежденного для ограничения экспорта стратегических товаров еще в 1949 году. В состав Коком входило 17 стран. Эти ограничения активно применялись против позднего Советского Союза, что позволило нанести весьма ограниченный, но не фатальный ущерб СССР. Однако современная реальность такова, что Россия является субъектом мирового рынка, встроена в мирохозяйственные связи. По этой причине примененные санкции, существенно более масштабные, чем ограничения Коком, оказались обоюдоострым оружием. Ущерб от санкционной войны для коллективного Запада более существенен, чем потери России. Устойчивость российской экономики в этих условиях стала неприятным сюрпризом для наших геополитических оппонентов. Вместе с тем нельзя не выразить беспокойства, что долговременные последствия от санкционного давления могут быть весьма опасными, если не принять меры по кардинальной смене экономической модели, которая до сих пор была ориентирована на импорт высоких технологий с Запада. Первые шаги в обретении экономического суверенитета между тем уже сделаны.

Опыт конфликта наглядно показал ограниченность военно-технологических ресурсов коллективного Запада. «За два-три дня боев в 2022 г. ВСУ расходовали количество, производимое в США за месяц мирного времени. Даже в случае повышения темпов производства компенсация переданного Украине, например, по артиллерийским снарядам 155 мм, займет 4–5 лет, по ПТРК Javelin в оптимистичном случае 5 лет...» [3].

Безусловно, в связи с этим можно прогнозировать начало перестройки военно-промышленного комплекса как США, так Европы. Очевидно, что мобилизационные возможности стран ЕС и США несопоставимы с возможностями РФ, что требует учета в военно-стратегическом планировании. Не в интересах России затягивать СВО, во всяком случае в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Надо полагать, что противоречия между Россией и коллективным Западом носят фундаментальный и неустранимый характер даже после завершения кризиса на Украине, а это требует достижения стратегической готовности не только российской армии, но и всего общества.

Предлагаемые варианты окончания СВО представляются довольно небогатыми. Стратегия «заморозки» конфликта на Украине по примеру Приднестровья или Южного Кавказа, о которой рассуждают западные эксперты, была бы грубой ошибкой и затишьем перед «бурей». В этом случае заявленные В.В. Путиным цели по демилитаризации и денацификации станут недостижимы, что приведет к реэскалации военных действий в регионе. Если по завершении СВО от Украины останется какая-либо территория вне контроля Российской Федерации, то с уверенностью можно сказать, что она будет интегрирована в НАТО. Оставление под контролем прозападного киевского режима стратегических городов, таких как Одесса, Харьков, Николаев и др., будет способствовать возрождению военной мощи Украины в составе НАТО, и размещению на территории Украины военной инфраструктуры блока [6].

Вопрос будущего территориального устройства Украины должен быть предметом скрупулезного анализа с различными вариантами решений при обязательном условии контроля и постоянного мониторинга в отношении будущих территорий. При реализации сценария «заморозки» с вхождением нынешних четырех областей в состав России окончательное политическое урегулирование проблемы станет маловероятным, а установление нейтрального статуса Украины недостижимым. Конструктивные переговоры о переустройстве Украины возможны только при условии однозначного и безоговорочного военного поражения киевской хунты, которое вынудит Запад идти на уступки и дипломатическое урегулирование, гарантирующие России военную безопасность.

Вопрос о сторонах таких переговоров представляется принципиальным. Украинская сторона сегодня не является полноценным политическим субъектом. Финансово киевская хунта всецело зависит от американской стороны и внешней помощи. Самостоятельная роль киевской хунты в возможном переговорном процессе является иллюзией. Очевидно, что переговорный процесс возможен только с Вашингтоном, для которого сохранение стратегического актива в виде Украины является политически-необходимым. С этой точки зрения такой переговорный трек не может привести к окончательному решению украинской проблемы — Вашингтон заинтересован в сохранении в той или иной урезанной форме проамериканского режима.

«Промежуточный характер» результатов возможного переговорного процесса не устроит и Россию, поскольку не решит вопросов обеспечения безопасности нашей страны. Исходя из сложившегося военно-дипломатического тупика для России единственным выходом является стратегия истощения и затягивания конфликта с ожиданием перспективы изменения политической конъюнктуры.

При любой форме поражения киевского режима геополитические последствия окажутся «историческими», т.е. будут проявляться в течение длительного времени. Именно Украина, в той или иной конфигурации, станет геополитическим фронтиром России и Запада.

Сам украинский кризис и последовавшая после его возникновения СВО свидетельствуют о глубочайшем военно-политическом столкновении России как «государства-цивилизации» с западной цивилизацией. «Новые войны должны считаться частью доминирующего цивилизационного столкновения, а сверхдержавы-патроны должны быть заново созданы на основе культурной общности, а не идеологии», — отмечает Калдор [7. С. 360].

Современная Российская политика должна строиться с учетом этого цивилизационного противостояния, имеющего глубинные социокультурные и исторические корни.

«Для СК (стратегической культуры) сегодняшней России как особого типа цивилизации в условиях экспансии чуждых культур и традиций важно обеспечить сохранение цивилизационной идентичности... Национальные ценности и интересы должны формировать ядро СК России, будущее которой напрямую связано с выживанием страны в ожесточенном межцивилизационном противоборстве, сохранением ее самоидентификации, самобытной культуры и цивилизационной модели» [8. С. 170].

Несмотря на неоднозначные политические тенденции в ряде стран Запада, по нашему мнению, не стоит преуменьшать меру антироссийской консолидации элиты объединенного Запада, вызванной в значительной мере исконной русофобией западного социума. Антироссийский настрой европейских элит скорее всего будет усиливаться по мере усиления экономической и политической зависимости ЕС от США. Можно с большой степенью уверенности прогнозировать, что Европа будет выступать в роли геополитического и военного плацдарма для борьбы с Россией. Впрочем, скорее всего неизбежна модель взаимоотношений с ЕС, характерная для времен Холодной войны-1.0, основанная на формуле сочетания идеологического и политического противостояния с одновременным развитием торговых связей. Можно предполагать, что в среднесрочной перспективе европейские страны вынуждены будут вернуться к импорту российских энергоносителей. В противном случае утрата конкурентоспособности ЕС станет фатальной и неизбежной. Таким образом, модель избирательного сотрудничества как для России, так и Европы станет геополитической константой. Любые радикальные перемены в лучшую сторону в Европе в отношении России будут реальными только при глобальном ослаблении роли США и ослаблении их контроля внутри Западного мира.

Повестка на завтра: поиск стратегических партнеров

Вопрос выстраивания новых приоритетов внешней политики России, ее участие в новой, грядущей архитектуре мира является уже сегодня актуальной задачей. Проблема в том, что мир сегодня находится в переходном состоянии, характеризуемом неустойчивым равновесием отживающих элементов старого миропорядка и возникающими конфигурациями нового мироустройства. Очевидно, что неустойчивость современной мир-системы будет относительно длительной, а динамика мировых процессов содержать в себе противоречивые тенденции. В связи с этим назрела глубокая ревизия национальных интересов, что отражено в Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г.

В разделе IV «Приоритетные направления внешней политики Российской Федерации. Формирование справедливого и устойчивого мироустройства» подчеркивается, что «В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание» укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов с весомым участием России; поддержке региональной и субрегиональной интеграции в рамках дружественных многосторонних институтов, диалоговых площадок и региональных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке» [9].

Как видно из документа, «поворот на Восток» рассматривается одним из средств «адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира». Россия начала активно стремиться на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион, еще задолго до проведения СВО [10. С. 206] в этом бурно развивающемся регионе формируется «глобальная мощь» [11]. Если до начала спецоперации Китай был вторым крупнейшим рынком для российского газа после Германии, то сейчас этот рынок является ключевым для России [11. С. 125–126].

Российское «продвижение на Восток» в значительной мере согласуется с геополитическим проектом Китая — «Шелковый путь». Проект «Шелковый путь» включает в себя «участие более 60 государств с совокупным ВВП 55 % общемирового ВВП, с совокупным населением 4,4 млрд человек, доля которого составляет 70 % населения мира и 75 % разведанных энергозапасов мира. На данный момент совокупный объем потенциальных финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов в рамках ЭПШП оценивается в 900 млрд долл. В совокупности общий объем инвестирования Китая в проект оценивается в 1,1 трлн долл» [12. С. 402].

Стратегические приоритеты российской внешней политики заявлены и стали уже проявляться воочию. Они обуславливаются рядом факторов:

- западное направление закрыто для России надолго, что делает невозможным какие-либо фундаментальные формы сотрудничества в экономической, технологической, культурной сферах. Не исключено, что такое сотрудничество будет носить избирательный характер, как в случае с Венгрией. Полагаться на ожидаемые политические изменения в западных элитах едва ли правильно, тем более что политические изменения растянуты во времени, имеют инерцию;
- сотрудничество со странами Востока (ЮВА, Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка) восполняют нам не только утраченные рынки на Западе, но и позволят привлечь инвестиционные и технологические ресурсы. Потребность экономического утверждения будет побуждать к технологическому обновлению российской промышленности, запустит механизм технического перевооружения. Этот поворот дает новый исторический шанс России. С другой стороны, необходимо уйти от иллюзии, что на «Востоке» нас ждут. Современные быстрорастущие экономики Азии — могучие конкуренты, их динамизм превосходит Запад, а следовательно утверждение на этих рынках будет трудным. При этом надо учитывать, что и здесь будет происходить столкновение интересов с США. Нет сомнения и в том, что сами страны Азии неоднородны, поэтому здесь приоритетом должен быть поиск *стратегических партнеров*, благодаря сотрудничеству с которыми быстро и эффективно можно реализовать свои национальные интересы.

Стратегическое партнерство возможно при:

- единых представлениях о будущем мироустройстве, сходствах в национальных картинах мира;
- наличии позитивной истории взаимоотношений;
- наличии ценностного единства, поскольку «идеология и идентичность субъекта задают систему координат, с которой соотносится текущий уровень реализации его потребностей. В зависимости от того, в какой степени окружающая действительность согласуется с формируемыми идеальными образами, определяется степень удовлетворенности государства современным состоянием международной системы» [13. С. 133];
- долговременном прогнозировании курса партнеров.

Прагматика без идеологии во внешней политике России доказала свою малую эффективность и привела к утрате нашей страной многих позиций.

Внешняя политика России должна уйти от реактивности, пассивности и должна строиться на продвижении своей повестки, быть проактивной. Опыт последнего тридцатилетия показал, что внешнеполитическая стратегия России не отличалась концептуальным видением мировых проблем. Заявленная концепция «многополярного мира», «многополярности» в начале XXI в. носила отчасти пропагандистский, декларируемый характер. Россия при этом в буквальном смысле шла не только на односторонние

уступки Западу (в вопросах безопасности), но и выстраивала всю свою политику через и посредством созданных западным сообществом институтов. Так, участие России в Совете Европы, ПАСЕ только давало почву для оголтелой критики России.

Сегодня идея «многополярности» должна быть наполнена новым политическим содержанием. По этой причине необходима реконструкция международных институтов, и лидером этого процесса должна быть Россия.

Не секрет, что современные глобальные институты (ООН, ВБ, МВФ и др.) находятся под контролем западного сообщества, прежде всего англо-саксонских стран. Политическая антироссийская ангажированность этих институтов очевидна. Они не в состоянии осуществлять свою политику на основе международного права, вместо этого международные институты давно следуют «правилам» из Вашингтона. По этой причине Россия должна сегодня не только возглавить процесс по реконструкции мировых институтов, но поставить вопрос о переносе штаб-квартиры ООН в другие страны мирового Востока. Сегодня, эта насущная задача должна решаться очень активно, для чего необходимо создание пула дружественных и влиятельных стран.

Мироустроительной альтернативой в этом смысле являются страны БРИКС.

Для стабилизации Евразии и ситуации на границе России необходимо формирование альтернативных США альянсов. В Восточной Азии — это создание альянса с КНР и КНДР; в Южной — с Ираном и Сирией, Ираком. Возможны стратегические партнерства с арабскими странами — Египтом, Алжиром и другими.

Необходима ревизия постсоветского пространства, где четко должны быть определены и заявлены стратегические цели в отношении ближайших соседей — стран СНГ. Первоочередная задача должна состоять в ограничении или вытеснении США из постсоветского пространства и региональной интеграции с участием России. Здесь при желании и наличии политической воли РФ могла достичь немалых успехов.

В отношении Европы Россия должна действовать избирательно, развивать партнерство с дружественными странами.

Переориентация России на Восток позволит сбалансировать давление Запада за счет новых партнерств (Россия — КНР; Россия — Иран; Россия — Индия и т.д.). Показательны в этой связи возможности Пекина. «Китайский потенциал по наращиванию выпуска двух ключевых классов военной техники, а именно малых дронов и барражирующих боеприпасов, вероятно, является в два-три раза большим, чем у всего остального мира вместе взятого. Колоссальными являются и возможности Китая для вмешательства в чужие конфликты, а также ведения опосредованных войн вроде той, что НАТО ведет против России на Украине. Китай способен вооружить и обеспечить любого союзника куда лучше, чем НАТО обеспечивает Украину на пределе своих возможностей» [14].

Стратегия США не допустить стратегического партнерства КНР и РФ с нашей точки зрения является абсолютно провальной. Россию и КНР связывает не только сотрудничество в военно-политической области, но общее видение глобальных угроз, общее понимание архитектуры мирового порядка.

Малопродуктивными являются попытки Запада давить на страны «Глобального юга» с целью разорвать экономические и политические связи. Сегодня ясно всем — время РАХ Americana безвозвратно прошло!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кашин В.Б.* Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. 2023. № 3 (21). С. 10–21. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervyj-god-bolshoj-vojni/> (дата обращения: 25.11.2023).
2. *Ходаренок М.* Прогнозы кровожадных политологов // Независимое военное обозрение. 03.02.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-02-03/3_1175_donbass.html (дата обращения: 25.12.2023).
3. *Стефанович Д.В., Ермаков А.С.* Разворот через сплошную // Россия в глобальной политике. 2023. № 3 (21). С. 22–41. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-cherez-splshnuyu-uroki/> (дата обращения: 25.12.2023).
4. *Тренин Д.В.* Не «против», а «за» // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (21). С. 56–68. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-protiv-a-za/> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Лавров заявил, что западные страны фактически воюют против России // TASS. 23.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18827219?ysclid=ln7ivtgnenv31397131> (дата обращения: 25.12.2023).
6. Медведев заявил, что в составе России будет больше новых регионов // РБК. 30.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651802ec9a7947575b04597c?ysclid=ln7kunlo0i726127899> (дата обращения: 25.12.2023).
7. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 406 с.
8. *Бартош А.А.* Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М.: Изд-во Горячая линия-Телеком, 2020. 248 с.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.12.2023).
10. *Параг Х.* Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2019. 432 с.
11. *Ергин Д.* Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. М.: Изд-во Интеллектуальная Литература, 2021. 670 с.
12. Трансформация международных отношений в Северо — Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2019. 432 с.
13. *Истомин И.А.* Логика поведения государств международной политике. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2018. 304 с.
14. *Кашин В.Б.* На чужих ошибках? Реальные уроки СВО для Китая и их последствия // Россия в глобальной политике. 19.12.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nachuzhih-oshibkah/> (дата обращения: 25.12.2023).

REFERENCES

1. Kashin V.B. Pervyj god bol'shoj vojny [The First Year of the Great War]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 3 (21): 10–21. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervyj-god-bolshoj-vojni/> (accessed: 25.11.2023) (In Russ.).

2. Hodarenok M. Prognozy krovozhadnyh politologov [Forecasts of Bloodthirsty Political Scientists]. *NVO*. 03.02.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-02-03/3_1175_donbass.html (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
3. Stefanovich D.V., Ermakov A.S. Razvorot cherez sploshnuju [Reversal Through a Solid Line]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 3 (21): 22–41. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/razvorot-cherez-sploshnuyu-uroki/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
4. Trenin D.V. Ne «protiv», a «za» [Not “Against”, But “For”]. *Rossija v global'noj politike*. 2023; 5 (21): 56–68. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-protiv-a-za/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
5. Lavrov zajavil, chto zapadnye strany fakticheski vojujut protiv Rossii [Western Countries Are Actually Fighting Against Russia, Lavrov Said]. *TASS*. 23.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18827219?ysclid=ln7ivrnenv31397131> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
6. Medvedev zajavil, chto v sostave Rossii budet bol'she novyh regionov [Russia will Have More New Regions, Medvedev Said]. *RBC*. 30.09.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651802ec9a7947575_b04597c?ysclid=ln7kun_looi72612789_9 (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
7. Kaldor M. *Novye i starые vojny: organizovannoe nasilie v global'nuju jepohu*. [New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era]. Moscow: “Izdatel'stvo Instituta Gajdara”; 2015. 406 p. (In Russ.).
8. Bartosh A.A. *Strategicheskaja kul'tura v konfliktah XXI veka*. [Strategic Culture in 21st Century Conflicts]. Moscow: Publishing House “Gorjachaja linija-Telekom”; 2020. 248 p. (In Russ.).
9. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.)*. [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).
10. Parag H. *Konnektografija. Budushhee global'noj civilizacii*. [Connectography. The Future of Global Civilization]. Moscow: Publishing House “Mann, Ivanov i Ferber”; 2019. 248 p. (In Russ.).
11. Ergin D. *Novaja karta mira. Jenergeticheskie resursy, menjajushhijsja klimat i stolknovenie nacij*. [New Map of the World: Energy Resources, Changing Climate and Clash of Nations]. Moscow: Publishing House “Intellektual'naja Literatura”; 2021. 670 p. (In Russ.).
12. Torkunov A.V., Strel'cov D.V. (eds). *Transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo – Vostochnoj Azii i nacional'nye interesy Rossii*. [Transformation of International Relations in Northeast Asia and National Interests of Russia]. Moscow: Publishing House “Aspekt Press”; 2019. 432 p. (In Russ.).
13. Istomin I.A. *Logika povedenija gosudarstv mezhdunarodnoj politike*. [The Logic of State Behavior in International Politics]. Moscow: Publishing House “Aspekt Press”; 2018. 304 p. (In Russ.).
14. Kashin V.B. *Na chuzhij oshibkah? Real'nye uroki SVO dlja Kitaja i ih posledstvija*. [On Other People's Mistakes? Real Lessons from the NWO for China and Their Consequences]. *Rossija v global'noj politike*. 19.12.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/na-chuzhij-oshibkah/> (accessed: 25.12.2023) (In Russ.).

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН (ORCID ID: 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).

Information about the author:

Konstantin V. Blokhin — PhD in History, Leading Research Fellow of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1777-434X) (e-mail: constantinos1@rambler.ru).